

с. 2

Фельетонъ.

„ФУТЛЯРНЫЕ“ ЛЮДИ.

Существуют ли люди въ футлярахъ? Какъ, повидимому, ни великъ вопросъ, однако блестящій и художественный отзывъ на него дастъ намъ въ весьма небольшомъ, въ размѣрѣ 12 страницъ, рассказъ Ан. Чехова, помѣщенномъ въ юльской книгѣ *Рус. Мысли*. Рассказать его содержаніе — трудно. Это настоящій перлъ беллетристики, chef d'oeuvre творчества, умѣющаго задѣть самый большой нервъ современности, и ея больныя вопросы. Нашъ писатель, о недугѣ котораго сообщались тревожащіеся повѣданію совершенно оравался, вчитая его послѣднее произведеніе, невольно этому радуется и говоритъ — „какимъ большимъ и цѣннымъ талантомъ обладаетъ наша литература“!.. И это дѣйствительно большой и цѣнный талантъ. По мѣрѣ того, какъ онъ отдаляется отъ печальной эпохи своего творчества и минутнымъ зломъ для, на мотивъ *Осколковъ* и на темъ *Новой Времени*, по мѣрѣ того, какъ его произведенія становятся ближе къ существу жизни и отражаютъ все больше и больше глубины ея мучительныхъ задачъ, — сила звѣщающаго воспроизведенія у него увеличивается. „Скупная исторія“, „Моя жизнь“, „Мужика“, — все это грани развитія послѣднихъ моментовъ у художника, — все это проявленія мощнаго рефлекска... Но вернемся къ рассказу „Человѣкъ въ футлярѣ“.

Жизнь представляетъ собою цѣпь явленій, конечныя звенья которой являются рѣзкими контрастами. Одинъ изъ такихъ рѣзкихъ контрастовъ Ан. Чеховъ выбралъ для своего типа. Тапъ этотъ — учитель греческаго языка Бѣликовъ — представляетъ собою крайность, но на крайностяхъ яснѣе отражаются контрасты жизни.

Что же такое представляетъ изъ себя Бѣликовъ?

Попробуемъ охарактеризовать его словами автора:

„Онъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, (рассказъ ведется отъ лица товарища Бѣликова, Буркина) что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ, и непремѣнно въ тепломъ пальто на ватѣ. И зонтикъ былъ у него изъ чехлѣ, а часы въ чехлѣ изъ сѣрой замши и когда вынималъ перочинный ножъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ, и лицо казалось тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротничокъ. Онъ носилъ тонныя очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой, и когда садился на явочка, прикапывалъ поднимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя обо-

лочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ бы отъ вѣшнихъ вліяній. Дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ, и, быть можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отращиваніе въ настоящему — онъ всегда хвалилъ прошлое и то, чего никогда не было; и древніе язы, которые онъ преподавалъ, были для него, въ сущности, тѣ же калоши и зонтикъ, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни.

— О какъ заученъ, какъ прекрасенъ греческій языкъ! — говорилъ онъ со сладкимъ волненіемъ; и какъ-бы въ доказательство своихъ словъ, прищуривъ глаза и поднимая палецъ, произносилъ: „антропостъ“!

И мысль свою Бѣликовъ также старался запереть въ футляръ. Для него были ясны только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ запрещалось что-нибудь. Когда въ циркулярѣ запрещалось ученикамъ выходить на улицу послѣ девяти часовъ вечера или въ какой-нибудь статьѣ запрещалась плотская любовь, то это было для него ясно, опредѣленно: запрещено — и basta. Въ разрѣшеніи же о позволеніи скрывался для него всегда элементъ сомнительный, что-то недосказанное и смутное. Когда въ городѣ разрѣшали драматическій кружокъ или читальню, или чайную, то онъ новачивалъ голову и говорилъ тако:

— Ого, конечно, такъ-то такъ, все это прекрасно, да какъ-бы чего не вышло.

„Всякаго рода нарушенія, уклопенія, отступленія отъ правилъ приводили его въ ужасъ, хотя назалось-бы, какое ему дѣло? Если кто изъ товарищей (учителей) опаздывалъ на молебень, или доходили слухи о какой-нибудь проказѣ гимназистовъ, или дѣли классную даму поздно вечеромъ съ сфактеромъ, то онъ очень волновался и все говорилъ: „какъ-бы чего не вышло“. А на педагогическихъ совѣтахъ, онъ просто угнеталъ насъ своею осторожностью, мнительностью и своими чисто-футлярными соображеніями на счетъ того, что вотъ-де въ мужской и женской гимназіяхъ, молодежь ведетъ себя дурно, очень шумитъ въ классахъ, — ахъ, какъ-бы не кошло до начальства, ахъ какъ-бы чего не вышло, — и что если бы изъ втораго класса исключили Петрова, а изъ четвертаго — Егорова, то было-бы очень хорошо. И что же! Своими вздохами, нытьемъ, своими темными очками на блѣдномъ маленькомъ лицѣ, знаете, маленькомъ лицѣ, какъ у хорька, онъ давилъ насъ всѣхъ, и мы уступали, сбавляли Егорову и Петрову баллы по подсчету, сбавляли ахъ подъ арестъ и въ концѣ концовъ исключали и Петрова, и Егорова... Мы, учителя, боялись его, и даже директоръ боялся. Вотъ видите же, наши учителя народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ; однако же, этотъ человѣкъ, ходившій

всегда въ карманахъ и съ вонючкомъ, держать въ рукахъ всю гимназію цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Да что гимназію? Весь городъ! Наши дѣти по субботамъ домашнихъ спектаклей не утруждали—боялась какъ-бы онъ не узналъ; и духовенство отъсылалось при немъ кушать скоромное и играть въ карты. Подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, за послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ въ нашихъ городѣ стали биться всего. Боялись громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, боялись помогать бѣднымъ, учить грамотѣ...

И вотъ этакій педагогическій сухарь однажды чуть не женился. Ему понравилась сестра вновь назначеннаго учителя Коваленко, прямого, рѣзкаго холла, свѣжаго и еще неискорченнаго рутинной и архиваеюстью современнаго педагогическаго міра. Пѣвненькій онъ веселымъ, бойкимъ характеромъ и ея задушевнымъ пѣніемъ, обратившимъ въ футляръ Бѣликовъ выноломъ на свѣтѣйшій воздухъ и предсталъ очаровательной, хотя и перерѣзанной хохлушкой:

— Малороссійскій лавинъ своею вѣжностью и пріятною звучностью напоминаетъ древне-греческій.

Хохлушка очень мало интересовалась сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, но была не прочь выйти на склоны своихъ лѣтъ занужа. Поэтому она принимала авансы греческаго сухаря благосклонно, и весь педагогическій мирокъ заволновался, поставивъ себѣ задачей женить этотъ мертвый и гадкій сухарь на бойкой и огненной малороскѣ. Дѣло почти наладилось, но совершенная неожиданность разстроила этотъ невозможный бракъ и свела, въ концѣ концовъ, въ погладу человека въ футлярѣ.

Дѣло въ томъ, что въ моментъ, когда казалось, что Бѣликовъ уже окончательно рѣшился предложить свою руку в „сердце“ Коваленковой, когда его мысли на счетъ міросозерцанія Коваленковыхъ стали успокаиваться и Бѣликовъ не боялся уже, женившись, попасть въ какую бы то ни было „исторію“,—случился печальный инцидентъ. 1-го мая, когда преподаватель гимназіи и ученики, собравшись на общую загородную прогулку, братья и сестра Коваленко позволили себѣ неслыханную дерзость: оба отравились на прогулку на велосипедахъ. Бѣликовъ „нѣтъ зеленого“ сталъ бѣлымъ и точно оцѣпенѣлъ.

— Позвольте, что-же это такое? — спросилъ онъ.—Или, быть можетъ, меня обманываетъ зрѣніе? Развѣ преподавателямъ гимназіи и женщинамъ прилично ѣздить на велосипедахъ?

„И онъ былъ такъ пораженъ, что не захотѣлъ идти дальше и вернулся домой“.

На другой день греческій сухарь пошелъ объясняться съ Коваленко по поводу неприличія ѣзды на велосипедахъ. Коваленко, жи-

вой, воспринимчивый и нервный человекъ, всегда ненавидѣлъ Бѣликова.

— „Не понимаю, — говорилъ онъ своимъ товарищамъ, — какъ вы переносите этого фискала, эту мерзкую рожу. Эхъ, господа, какъ вы можете тутъ жить! Атмосфера у васъ удушающая, поганая. Развѣ вы педагоги, учителя? Вы чинодралы, у васъ не храмъ наука, а управы благочинія, и клятва тѣмъ, какъ въ полицейской буднѣ. Нѣтъ, братцы, пожну съ вами еще меншого и уйду изъ себѣ на хуторъ, и буду тамъ ровно лопать и хохлатъ учить. Уйду, а вы оставайтесь тутъ со своимъ лукой, нехай вѣкъ конше!“

И вотъ въ такому-то человеку греческій сухарь прашель объясниться и доказывать, что ѣзда на велосипедахъ— вещь неприличная. И сухарь, по его словамъ, былъ воодушевленъ лучшими стремленіями, такъ какъ хотѣлъ „предостеречь“ своего товарища.

— „Вы катаетесь на велосипедахъ, а эта забава, — говорилъ Бѣликовъ, — совершенно неприлична для воспитателя юношества... Развѣ это не понятно? Если учитель ѣдетъ на велосипедахъ, то что-же остается ученикамъ. Имъ остается только ходить на головахъ! И развѣ это не разрѣшено циркулярно, то и мы не можемъ. На разрѣшено — вѣдь вы. Я вчера ужаснулся! Когда я увидѣлъ вашу сестрицу, то у меня помутилось въ глазахъ. Женщина или дѣвушка на велосипедахъ—это ужасно!“

И „предостерегалъ“ молодого сотоварища, Бѣликовъ поучалъ:

— „Вы ходите въ вышитой сорочкѣ, постоянно на улицѣ съ кавчикомъ-то кингитомъ, а теперь вотъ еще велосипедъ. О томъ, что вы и ваша сестрица катаетесь на велосипедахъ, узнаетъ директоръ, потомъ дойдетъ до попечителя... Что же хорошаго?“

Результатъ объясненія былъ очень печальнымъ. Бѣликовъ заявилъ, что онъ сочтетъ долгомъ передать содержаніе разговора съ Коваленкомъ директору, а Коваленко въ отвѣтъ на это одѣлалъ то, что одѣлалъ бы на его мѣстѣ каждый порядочный человекъ, т. е. спустилъ греческаго сухаря по лестницѣ. Сухарь заболѣлъ и черезъ мѣсяць умеръ. И его хоронили „съ большимъ удовольствіемъ“. „Бѣлика хороши, — говорилъ Буркинъ, — а сколько еще такихъ человечковъ въ футлярѣ осталось, сколько ихъ еще судить!“

Такое содержаніе трагическаго разсказа Ав. Чехова.

Мы сказали выше, что писатель для своего типа выбралъ крайность. Здѣсь мы должны оговориться, что эта крайность носитъ чрезвычайно женственный характеръ. И женственный именно потому, что для типа взять не кто иной, какъ педагогъ. Возьмемъ писателя судью, сѣдователя, врача, журналиста, адвоката,—и вы сказали-бы, что авторъ преувеличилъ, спустилъ краски, смотрѣлъ подлѣ неправильнымъ угломъ и написалъ кар-

